

ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧА ІСТОРИОГРАФІЯ

УДК 82.09

БЕЛИНСКИЙ КАК ТЕОРЕТИК ЛИТЕРАТУРЫ

Ольга Германівна Зубович

orcid.org/0000-0003-4978-681X

olgaherman@yahoo.fr

Кандидат філологічних наук, викладач російської мови

Лицей Жан Вілар

Проспект Шарля де Голля, 1033, 78370, м. Плезір, Франція

Анотація. Актуальність звернення до цієї теми зумовлена відсутністю наукових досліджень творчості В. Г. Белінського в сучасному літературознавстві. В існуючих працях Белінський виявляється жертвою вульгарно-соціологічного підходу, сьогодні він жертва упередженого ставлення, зумовленого не достоїнствами його літературної критики, а особистими політичними переконаннями. Методологія дослідження ґрунтується на принципах описового та порівняльно-історичного аналізу матеріалу, мета дослідження – вивчення внеску Белінського в теорію літератури. Наукова новизна полягає у спробі запропонувати неупереджений аналіз спадщини Белінського в галузі теорії літератури. Дослідження виявило основні напрями, завдяки яким розвивалася думка Белінського як теоретика літератури: вивчення реалізму як нового напрямку в літературі, вивчення концепції народності в мистецтві, розробка теорії літературних жанрів. У статті коротко викладені основні висновки Белінського в цій галузі. Дослідження позначило можливі напрями подальшого наукового аналізу праць Белінського як теоретика літератури: зіставлення його естетичних переконань із сучасними йому естетичними теоріями, зокрема Гегеля, вивчення внеску Белінського в теорію реалізму, розробку теорії літературних жанрів і концепції народності.

Ключові слова: Белінський, рід літератури, жанр літератури, епос, драма, лірика, реалізм, народність.

Посмертня судьба насліддя Виссариона Григорьевича Белинского (1811–1848) складувалась трудно. В советское время В. Г. Белинский воспринимался как крупнейший представитель

революционно-демократической критики наряду с Н. А. Добролюбовым и Д. И. Писаревым, как один из самых влиятельных защитников идеологии западничества. Наследие Белинского, как правило, не подвергалось серьёзному и непредвзятому изучению, а становилось жертвой вульгарно-социологической трактовки в рамках марксистско-ленинского учения. В постсоветский период имя Белинского стало упоминаться значительно реже и, как правило, упоминание это было так или иначе связано с попыткой отмежеваться от наследия прошлого, своего рода способом сведения счётов с советской идеологией. В качестве примера можно привести статью А. Н. Кольева „Белинский как „зеркало” революционной демократии”, в которой Белинский, известный своими критическими высказываниями в адрес современной ему российской действительности, подвергается упрекам в отсутствии патриотизма, „ненависти к России” [6]. В статье Кольева представлена подборка произвольно выбранных цитат и высказываний (зачастую вырванных из контекста) как самого Белинского, так и его современников, которые автор комментирует в соответствии с собственными идейными убеждениями, не забывая подчеркнуть, какую роль сыграл (невольнo) Белинский в создании основ советского литературоведения. Трудно согласиться и с выводами П. Вайля и А. Гениса в статье „На посту”. По мнению авторов, критический анализ сводился у Белинского лишь к занимательному и остроумному разговору о литературе. „Белинский приглашает публику в дружеский кружок единомышленников, где занимательная беседа ведётся частным образом, где все понятно с полуслова, где ценится не скучная серьёзность, а искусство легкого, остроумного и необязательного разговора” [5, с. 90]. Не признавая за Белинским сколько-нибудь значительных заслуг в области разработки теории литературы и принципов эстетического анализа, Вайль и Генис отдают должное Белинскому как талантливому читателю с хорошим вкусом, журналисту, умевшему писать живо и убедительно. „Жанр критического фельетона Белинский разработал и довел до такого совершенства, что он так и остался главным в русской журнальной жизни” [5, с. 89]. Согласно авторам, слабость Белинского в качестве теоретика литературы объясняет и специфику его критического разбора литературных произведений, часто сводящегося, по их мнению, к анализу социальных типов и

жизненных явлений. Именно такой подход к литературному анализу и был принят как эталон последователями Белинского.

В данной статье будет предпринята попытка проанализировать вклад Белинского в разработку теории литературы, поразмышлять над возможными направлениями для дальнейшего независимого исследования наследия „неистового Виссариона”.

Не подлежит сомнению роль Белинского в качестве создателя и крупнейшего представителя русской литературной критики, во многом заложившего основы её дальнейшего развития. Его годовые обзоры литературы, публикуемые в „Отечественных записках” и „Современнике”, сразу становились ярким событием литературной жизни России того времени. Чтобы правильно оценить значение Белинского для литературной жизни и – шире – всей общественной жизни России XIX столетия, необходимо прежде всего иметь в виду ту особую роль, которую играла в России литературная критика, стремившаяся не только дать публике отчёт о новейших тенденциях литературного процесса, но охватить в своем анализе все стороны российской действительности и свое отношение к ним. Не случайно русскую критику XIX – начала XX столетия принято называть голосом совести русской интеллигенции, рупором нации. Влияние русской литературной критики на духовную жизнь в России не уступало влиянию на неё со стороны писателей и деятелей искусства.

Почему именно Белинскому предстояло стать одним из самых уважаемых русских критиков, имевших непосредственное влияние не только на собратьев по перу, но и на все русское общество? Дело не только в том, что в лице Белинского Россия обрела одного из своих первых профессиональных критиков (до Белинского в России литературная критика не была самостоятельным занятием, но всего лишь одним из родов деятельности, часто второстепенным, писателей, издателей и переводчиков).

В своем обзоре русской философии А. Пападопуло объясняет столь сильное, в чем-то даже, как ему кажется, чрезмерное влияние статей Белинского на современников прежде всего особенностями его критического анализа, при котором основное внимание уделялось идейно-тематическому содержанию произведения. Можно предположить, что именно повышенное внимание Белинского к идейно-тематическому содержанию и было расценено рядом исследователей как попытка подменить литературоведческий анализ анализом общественных явлений и человеческих типов.

Пападопуло отмечает глубокие познания Белинского в области философии, которые он получил в период обучения в Московском университете, а также благодаря близкому общению с М. А. Бакуниным, Н. И. Надеждиным, А. И. Герценом, Н. В. Станкевичем и другими видными мыслителями своего времени. Интересно, что для Пападопуло Белинский является типичным представителем именно русской философии, которому он посвящает отдельную главу своей книги. Эта типичность Белинского для французского исследователя – в его приверженности идеалам эстетического гуманизма, в его стремлении выдвигать на первый план человека со всеми аспектами его жизни, из чего вытекает и интерес Белинского к общественным вопросам, проблемам исторического прогресса и социальных реформ. „Как и большинство русских мыслителей, он интересуется не столько метафизикой или теорией познания, сколько значением человека, его местом в обществе и истории, вопросами социальной справедливости” [8, с. 126]. Страстность, эмоциональность полемических статей Белинского, получившего, как известно, прозвище „неистового Виссариона” – это как раз те черты русского философа вообще, о которых пишет Пападопуло. Отличительной чертой русской философии, по мнению исследователя, всегда был интерес не к абстрактным теоретическим построениям, а к реальному человеку и его свободе, его взаимоотношениям с обществом, а также та страстность, с которой идеи переживаются их носителями. Отсюда и глубокая связь, которая всегда прослеживалась в России между философской идеей и реальной действительностью.

Дебют Белинского как критика состоялся в тридцатые годы XIX столетия, период зарождения и становления реализма в литературе, а также складывания теории реализма. Вклад Белинского в теорию литературы прежде всего обусловлен его разработкой теории реализма ещё до возникновения самого этого термина. Русский критик окажется среди первых теоретиков нового направления искусства.

Объективная оценка новаторства и значения теоретических идей Белинского невозможна без учета исторического контекста. Деятельность Белинского приходится на время господства в Европе и России немецкой идеалистической философии. Тема взаимоотношений эстетических воззрений Белинского с эстетическими теориями представителей немецкой идеалистической

философии (и прежде всего Гегеля), несомненно, заслуживает отдельного изучения. К этой теме обращались советские исследователи, в частности Г. М. Фридендер, но их подход, к сожалению, не был свободен от идеологических предпосылок. Конечно, не подлежит сомнению влияние эстетических идей Гегеля на молодого Белинского. „Весь беспредельный, прекрасный божий мир есть не что иное, как дыхание единой, вечной *идеи* (мысли единого, вечного бога), проявляющейся в бесчисленных формах, как великое зрелище абсолютного единства в бесконечном разнообразии” [1, с. 17]. Эта мысль Белинского, выраженная еще в „Литературных мечтаниях”, звучит как отголосок гегелевских идей. Однако в чём именно заключается своеобразие понимания гегелевской философии молодым Белинским и как меняется отношение к ней Белинского в зрелые годы – этот вопрос еще не был детально изучен в литературоведении.

В своем анализе развития поэтического искусства Белинский руководствуется историческим подходом, противопоставляя античную и средневековую поэзию (под „поэзией” Белинский понимает литературное творчество в высшем смысле этого слова), которую называет „идеальной”, поэзии современной, получившей у него название поэзии „реальной”. Поэзия „идеальная” и поэзия „реальная”, как замечает критик, различаются способом воспроизведения действительности. Поэзия „идеальная” свойственна народам в период младенчества и юности. Вот как описывает Белинский работу древнего поэта: „Для своей драмы, точно так же, как и для своей поэмы, выбирает он из жизни одно высокое, благородное и выбрасывает все обыкновенное, повседневное, домашнее, ибо его жизнь на площади, на поле брани, во храме, в судилище, и там его поэзия, а не в домашнем кругу; персонажи его трагедии должны говорить языком высоким, облагороженным, поэтическим, ибо они цари, полубоги, герои; его хор должен выражаться языком таинственным, мрачным и вместе торжественным, ибо он есть орган, истолкователь воли ужасного рока” [2, с. 105]. Древний поэт любил жизнь, а не исследовал её, терзаемый мыслью о её несовершенстве и противоречиях. Если гармония искусства с жизнью была основой „идеального” искусства, то есть искусства предшествующих эпох в истории человечества, то современный поэт должен показывать и жизненные противоречия, и жизненные безобразия. Для современного искусства, по мысли Белинского, идеала красоты

оказывается недостаточно. „Дурна ли, хороша ли, но мы не хотим ее украшать, ибо думаем, что в поэтическом представлении она равно прекрасна в том и другом случае и потому именно, что истинна, и что где истина, там и поэзия”, – заключает критик [2, с. 108]. Белинский признает возможность существования „идеальной” поэзии и в современную эпоху, например, в тенденции поэта избегать в своем творчестве всего того, что связано с мелочными, обыденными сторонами действительности. Однако для современной эпохи, замечает критик, характерна тенденция как раз „реального” искусства. Белинский сразу безоговорочно становится на позиции защиты реализма как нового эстетического принципа, как программы современного искусства. Но при этом надо отдать справедливость Белинскому: вопреки расхожим представлениям, он всегда будет провозглашать самоценность искусства, предостерегать от слепого копирования действительности и попыток воспринимать искусство только как средство для какой-то иной цели.

Именно глубина понимания современного реалистического искусства позволила Белинскому, в отличие от многих своих современников, по достоинству оценить значение творчества Пушкина, Гоголя, Герцена, в которых Белинский видит представителей этого нового направления в поэзии. Критический разбор их литературных произведений дает Белинскому опору и материал для развития теории реализма. Критик был внимателен ко всем проявлениям „реальной” поэзии в современной ему русской литературе. Именно это позволило ему первым в русской критике теоретически осмыслить принципы нового литературного явления – натуральной школы.

Теоретическая разработка Белинским принципов реализма в литературе неотделима от его учения о литературных родах и жанрах, где Белинский также предстает как подлинный новатор. (Следует отметить, что разработка Белинским теории поэтических жанров идет параллельно с подготовкой к печати первого издания гегелевской „Эстетики”. Белинский воспользовался конспектами лекций Гегеля об искусстве, существенно переработав гегелевский подход к родам и жанрам в литературе. Идеи Гегеля, как и других теоретиков искусства, послужили отправной точкой для развития мысли самого Белинского.) Как и при разработке теории реализма, исследователь руководствуется историческим принципом, напрямую связывая развитие жанров с развитием человеческого сознания. „Роман для Белинского не является жанром, отражающим

разложение эпической поэзии, распад классического идеала в искусстве”, – пишет Фридлиндер, усматривая в этой позиции Белинского скрытую полемику с Гегелем [7, с. 273]. В свете разрабатываемой Белинским теории „реального”, иными словами реалистического искусства, именно роман выходит на первый план как жанр, наиболее верно соответствующий духу времени. Задачей современного романа является, согласно критику, наиболее полное воссоздание действительности.

Предвосхищая теорию романа М. Бахтина, Белинский отмечает преимущество романа и повести над драмой, заключающееся в гибкости их формы. Именно это позволяет роману и повести показать многостороннюю картину жизни, что отвечает осуществлению „реальной” тенденции современного искусства. В романе возможно уделить внимание мелочам, деталям, которым нет места в других жанрах и родах литературы.

Все же Белинский считал драму еще одной литературной формой, способной отвечать современным требованиям „реального” искусства. Основную особенность драмы как рода литературы Белинский усматривает в том, что главное место в ней занимает действие. Действие драмы, по Белинскому, основано на коллизии, конфликте, в котором отражается наиболее полно воля героев. Отсюда скупость драмы на описания, лирические отступления.

Надо отметить, что признавая, как и Гегель в „Эстетике”, трагедию венцом драматического искусства, а драму высшим родом поэзии, Белинский и здесь следует своей теории „реального” искусства, утверждая возможность сосуществования в трагедии героев и обыкновенных людей, героических и прозаических сторон жизни. „Поэзия и проза ходят об руку в жизни человеческой, а предмет трагедии есть жизнь во всей многосложности ее элементов. Правда, она сосредоточивает в себе только высшие, поэтические моменты жизни, но это относится только к герою или героям трагедии, а не к остальным лицам, между которыми могут быть и злодеи, и добродетельные, и глупцы, и шуты, так как вся жизнь человеческая состоит в столкновении и взаимном воздействии друг на друга героев, злодеев, обыкновенных характеров, ничтожных людей и глупцов” [3, с. 56].

В своих рассуждениях о комедии как виде драматического искусства Белинский также остается верен собственной теории „реального” искусства. Образцом „реального” искусства в комедии критик считает комедии Гоголя, который посредством юмора как

художественного приема вскрывает пороки общества. По Белинскому, объективность комедии как жанра „реального” искусства отнюдь не является препятствием её субъективности, выражающейся в незримом присутствии авторского идеала.

Белинский и за лирикой признает право на широту изображения действительности, при условии, что явления действительности будут выражены сквозь призму субъективного восприятия лирического „я”. Сквозь субъективность великого поэта каждый человек видит отражение собственного внутреннего мира. „Великий поэт, говоря о себе самом, о своем я, говорит об общем – о человечестве, ибо в его натуре лежит все, чем живет человечество. И потому в его грусти всякий узнаёт свою грусть, в его душе всякий узнаёт свою и видит в нем не только *поэта*, но и *человека*, брата своего по человечеству” [4, с. 671]. Так пишет Белинский о поэзии Лермонтова. (Белинский был одним из первых в русской критике, кто сумел по достоинству оценить гений молодого поэта.) В статье „Разделение поэзии на роды и виды” Белинский приходит к заключению о том, что лирика – это не только род литературы наряду с эпосом и драмой, это и внутренняя стихия литературы вообще. Лиризм входит во все роды поэзии, „как стихия, живет их, как огонь прометеев живет все создания Зевеса” [3, с. 12]. В отличие от апологетов эстетики классицизма Белинский приветствует смешение и взаимопроникновение литературных родов.

Белинский анализирует предпосылки возникновения каждого из трех родов литературы, учитывая при этом специфику развития национальных литератур.

Свой вклад Белинский вносит и в разработку понятия „народность”, и здесь оставаясь новатором. В отличие от романтиков и ряда славянофилов, Белинский считает подлинной народностью не стилизацию под старину или идеализацию героического прошлого народа, а правдивое изображение основ народной жизни. Для Белинского понятия народности и „реального” искусства неразделимы. „Жизнь всякого народа проявляется в своих ей одной свойственных формах, следовательно, если изображение жизни *верно*, то и *народно*”, – заключает критик [2, с. 135]. К понятию „народность” Белинский обращался неоднократно, с первых своих публикаций. Еще в „Литературных мечтаниях”, в эпоху становления „теории официальной народности”, Белинский делится с читателем интересными размышлениями о народности. Автор статьи видит народность в передаче духа народа, его обычаев,

чувств и образа мысли. Белинский считает, что необходимым условием для создания подлинно русской литературы, свободной от подражательства, является развитие в России просвещения. Только при этом условии в России сформируется русское общество и определится специфика русского духа и русской жизни, только тогда народность в искусстве станет возможной. „Придет время, – пишет Белинский, – просвещение разольется в России широким потоком, умственная физиономия народа выяснится, и тогда наши художники и писатели будут на все свои произведения налагать печать русского духа” [1, с. 87].

Значение Белинского для развития русской литературной критики трудно переоценить. Однако в российском и зарубежном литературоведении чрезвычайно редко предпринимались попытки обозначить вклад Белинского в теорию литературы. Выше были перечислены лишь основные направления, по которым развивалась мысль Белинского как теоретика литературы. Этот аспект творчества „неистового Виссариона” нуждается в дальнейшем изучении.

1. *Белинский В. Г.* Литературные мечтания / В. Г. Белинский // *Собрание сочинений* : в 3 т. Т. 1 ; под общ. ред. Ф. М. Головенченко. – М. : Гослитиздат, 1948. – С. 7–89.
2. *Белинский В. Г.* О русской повести и повестях г. Гоголя / В. Г. Белинский // *Собрание сочинений* : в 3 т. Т. 1. ; под общ. ред. Ф. М. Головенченко. – М. : Гослитиздат, 1948. – С. 100–147.
3. *Белинский В. Г.* Разделение поэзии на роды и виды / В. Г. Белинский // *Собрание сочинений* : в 3 т. Т. 2. ; под общ. ред. Ф. М. Головенченко. – М. : Гослитиздат, 1948. – С. 5–66.
4. *Белинский В. Г.* Стихотворения М. Лермонтова / В. Г. Белинский // *Собрание сочинений* : в 3 т. Т. 1. ; под общ. ред. Ф. М. Головенченко. – М. : Гослитиздат, 1948. – С. 630–696.
5. *Вайль П.* На посту / Петр Вайль, Александр Генис // *Родная речь: Уроки изящной словесности* / Петр Вайль, Александр Генис. – М. : Издательство КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2011. – С. 87–97.
6. *Кольев А. Н.* Белинский как „зеркало” революционной демократии [Электронный ресурс] / Андрей Кольев // *Русский дом*. – 2008. – № 6. – Режим доступа : <http://www.russdom.ru/node/968> (дата обращения 20.10.2015).
7. *Фридендер Г. М.* Белинский как теоретик литературы / Г. Фридендер // *Литературное наследство*. Т. 55: В. Г. Белинский : в 3 т. Т. 1 / гл. ред. П. И. Лебедев-Полянский. – М. : Изд-во АН СССР, 1948. – С. 259–284.
8. *Papadopoulo A.* Introduction à la philosophie russe dès origines à nos jours / Alexandre Papadopoulo. – Paris : Seuil, 1995. – 324 p.

БЕЛИНСКИЙ КАК ТЕОРЕТИК ЛИТЕРАТУРЫ

Ольга Германовна Зубович

orcid.org/0000-0003-4978-681X

olgaherman@yahoo.fr

Кандидат филологических наук, преподаватель русского языка

Лицей Жан Вилар

Пр-т Шарля де Голля, 1033, 78370, г. Плезир, Франция

Аннотация. Актуальность обращения к данной теме обусловлена отсутствием научных исследований творчества В. Г. Белинского в современном литературоведении. В советский период известный русский критик XIX века часто оказывался жертвой вульгарно-социологического подхода, сегодня он жертва предвзятого отношения, основанного не на достоинствах его литературной критики, а на его личных политических убеждениях. Методология исследования построена на принципах описательного и сравнительно-исторического анализа материала, цель исследования – изучение вклада Белинского в теорию литературы. Научная новизна заключается в попытке предложить непредвзятый анализ наследия Белинского в области теории литературы. Исследование выявило основные направления, по которым развивалась мысль Белинского как теоретика литературы: изучение реализма как нового направления в литературе, изучение концепции народности в искусстве, разработка теории литературных жанров. В статье вкратце изложены основные выводы Белинского в данной области и обозначены возможные направления дальнейшего научного анализа: сопоставление эстетических воззрений Белинского с современными ему эстетическими теориями, в частности Гегеля, изучение вклада Белинского в теорию реализма, разработку теории литературных жанров и концепции народности.

Ключевые слова: Белинский, род литературы, жанр литературы, эпос, драма, лирика, реализм, народность.

BELINSKY AS A LITERARY THEORIST

Olga Zubovich

orcid.org/0000-0003-4978-681X

olgaherman@yahoo.fr

Doctor of Letters, Russian language professor

Lyceum Jean Vilar

Avenue Charles de Gaulle, 1033, 78370, Plaisir, France

Abstract. It is important to note that there is a lack of serious study of the work of V. Belinsky. During the Soviet period, this nineteenth century famous Russian critic was often a victim of “vulgar sociology”; today he is a victim of prejudice due to his personal political beliefs and not the qualities of his work. The

methodology of this study is based on the descriptive, historical and comparative approach; the objective is to study Belinsky's contribution to literary theory. The originality of this approach lies in the attempt to provide a progressive study of Belinsky's contribution to the theory of literature. The study has identified the main directions of his thinking in the field of literary theory: the study of realism as a new literary movement, the study of the concept of national character in art, work on the development of the theory of literary genres. In the article, Belinsky's main conclusions in the field of literary theory are presented concisely. The study showed some possible directions for further analysis of Belinsky's work in the field of literary theory: a comparative study between his aesthetic thinking and the aesthetic theories that existed at that time (especially Hegel's theories), the analysis of Belinsky's contribution to the theory of realism, the development of the theory of literary genres and reflection on the concept of national character.

Key words: Belinsky, literary genre, epos, drama, poetry, realism, national character.

References

1. Belinsky V. Literaturnye mechtaniia [Literary Dreams]. In: *Sobranie sochinenii*. Moscow, 1948, vol. 1, pp. 7–89. (in Russian).
2. Belinsky V. O russkoi povesti i povestiakh g. Gogolia [About the Russian Story and Gogol's Stories]. In: *Sobranie sochinenii*. Moscow, 1948, vol. 1, pp. 100–147. (in Russian).
3. Belinsky V. Razdelenie poezii na rody i vidy [The division of poetry into genera and species]. In: *Sobranie sochinenii*. Moscow, 1948, vol. 2, pp. 5–66. (in Russian).
4. Belinsky V. Stikhotvoreniia Lermontova [Poem by Lermontov]. In: *Sobranie sochinenii*. Moscow, 1948, vol. 1, pp. 630–696. (in Russian).
5. Vail' P., Genis A. Na postu [Be on guard]. In: *Rodnaia rech': Uroki iziashchnoi slovesnosti*. Moscow, 2011, pp. 87–97. (in Russian).
6. Kol'ev A. N. Belinskii kak “zerkalo” revoliutsionnoi demokratii [Belinsky as a mirror of revolutionary democracy]. Available at: <http://www.russdom.ru/node/968> (accessed 20 October 2015). (in Russian)
7. Fridlender G. M. Belinskii kak teoretik literatury [Belinsky as a literary theorist]. In: *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, 1948, vol. 55, pp. 259–284 (in Russian).
8. Papadopoulo A. *Introduction à la philosophie russe dès origines à nos jours* [Introduction to Russian philosophy from its origins to our days]. Paris, 1995, 324 p. (in French).

Suggested citation

Zubovich O. Belinskii kak teoretik literatury [Belinsky as a Literary Theorist]. *Pytannia literaturoznavstva*, 2015, no. 92, pp. 156–166. (in Russian).

Стаття прийнята до друку 30.10.2015 р.